

Дмитрий Архипов

Свеча и ХРАМ.

Дмитрий Архипов
Свеча и ХРАМ.

«Автор»

2026

Архипов Д.

Свеча и ХРАМ. / Д. Архипов — «Автор», 2026

Прежде чем ты перевернёшь эту страницу и войдёшь в Спасское — в этот маленький храм на краю мира, в этот посёлок, забытый Богом и людьми, в эту историю про старушку с сумкой-тележкой и свечу из хозяйственного магазина — позволь мне сказать несколько слов. Не для того, чтобы объяснить. Для того, чтобы признаться. Эта книга родилась не из желания написать «ещё одну историю про чудо». Таких историй много. Они лежат на полках, стоят в библиотеках, продаются в магазинах. Они рассказывают о знамениях, об исцелениях, о голосах с неба, о слезах на иконах, о воде, которая становится вином. Это хорошие, нужные истории. Эта книга родилась из вопроса. Который я задавал себе много лет и не находил ответа. Я задавал его ночью, когда не мог уснуть. Я задавал его утром, когда смотрел в окно на серое небо. Я задавал его в храме, когда стоял в пустом приходе и слушал, как капает вода с потолка. Я задавал его себе, когда видел людей — уставших, потерянных, одиноких.

© Архипов Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Архипов

Свеча и ХРАМ.

Дмитрий Архипов

ХРАМ И СВЕЧА

Новосибирск 2026

Дорогой читатель.

Прежде чем ты перевернёшь эту страницу и войдёшь в Спасское — в этот маленький храм на краю мира, в этот посёлок, забытый Богом и людьми, в эту историю про старушку с сумкой-тележкой и свечу из хозяйственного магазина — позволь мне сказать несколько слов. Не для того, чтобы объяснить. Для того, чтобы признаться.

Эта книга родилась не из желания написать «ещё одну историю про чудо». Таких историй много. Они лежат на полках, стоят в библиотеках, продаются в магазинах. Они рассказывают о знамениях, об исцелениях, о голосах с неба, о слезах на иконах, о воде, которая становится вином, о мёртвых, которые встают. Это хорошие, нужные истории. Но эта книга — не о них.

Эта книга родилась из вопроса. Который я задавал себе много лет и не находил ответа. Я задавал его ночью, когда не мог уснуть. Я задавал его утром, когда смотрел в окно на серое небо. Я задавал его в храме, когда стоял в пустом приходе и слушал, как капает вода с потолка. Я задавал его себе, когда видел людей — уставших, потерянных, одиноких, — которые шли по улицам и не знали, куда идут. Вопрос звучал так:

Почему мы, люди, так легко забываем, что мы — свет?

Не «почему мы страдаем». Не «почему мы умираем». Не «почему в мире столько зла». Это тоже вопросы. Хорошие вопросы. Но не тот, который не давал мне спать. Тот, который не давал мне спать, был именно этот. Простой. Короткий. Страшный. Почему мы забываем, что мы — свет?

Я думаю об этом уже много лет. И вот к чему я пришёл.

Храм и свеча.

Я думал об этом образе долго. Годами. Возвращался к нему снова и снова. И каждый раз находил что-то новое. Каждый раз видел глубже. Каждый раз понимал яснее.

Свеча — это душа. Это не метафора. Это — правда. Свеча — это то, что внутри нас. То, что горит. То, что светит. То, что отдаёт тепло. То, что может погаснуть. То, что может разгореться. То, что может осветить всю комнату. То, что может согреть целый дом.

Храм — это тело. Это тоже не метафора. Храм — это то, что снаружи. То, что держит. То, что защищает. То, что стоит. То, что может облупиться. То, что может прохудиться. То, что может разрушиться. То, что может быть восстановлено.

Свеча без храма — это душа без тела. Она — огонь, у которого нет места. Она — тепло, у которого нет рук, чтобы его отдать.

Храм без свечи — это тело без души. Он стоит. Он красивый. Он большой. Он величественный. Но внутри — темно. Внутри — пусто. Внутри — холодно. Люди приходят. Люди уходят. Ничего не меняется. Потому что храм без свечи — это просто здание.

Вот почему я назвал так книгу. Потому что свеча — это главное. Потому что свеча — это то, что мы должны найти в себе. Потому что свеча — это то, что мы должны зажечь. Потому что свеча — это то, что мы должны отдать.

О пословице, которую все знают.

Есть пословица, которую знают все. «В здоровом теле — здоровый дух». Мы говорим её машинально. Мы верим в неё.

Но, это не вся правда.

Давай посмотрим честно. Откуда взялась эта пословица? Она пришла к нам из Древнего Рима. Ювенал, сатирик, живший почти две тысячи лет назад, написал в своих «Сатирах» знаменитую строку. «Orandum est ut sit mens sana in corpore sano». Это значит: «Надо молиться, чтобы дух был здоровым в теле здоровом».

Заметь. Не «здоровый дух в здоровом теле». А «надо молиться, чтобы дух был здоровым в теле здоровом». Это не утверждение. Это просьба. Это молитва. Это желание. Ювенал не говорил, что здоровое тело автоматически рождает здоровый дух. Он молил богов о том, чтобы дух был здоровым. Потому что знал: одно не вытекает из другого. Потому что видел: здоровые телом люди часто бывают больны духом. Потому что понимал: гармония — редкость. Гармония — это чудо.

Мы привыкли думать: если тело здорово — дух сам подтянется. Если храм красив — душа спасётся. Если свеча горит — тепло придёт. И это не вся правда.

Свеча может пролежать всю жизнь в ящике. Забытая. Потёртая. Никому не нужная. Она останется просто воском. Просто палочкой. Просто телом без души. И только когда её зажгут — она станет свечой. Только когда огонь коснётся фитиля — она обретёт то, для чего была создана.

Храм может стоять всю жизнь пустым. Заброшенный. Забытый. Никому не нужный. Он останется просто зданием. Просто стенами. Просто крышей. И только когда в нём зажгут свечу — он станет храмом. Только когда люди войдут в него — он обретёт то, для чего был построен.

И человек может прожить всю жизнь, не зная, что он — свет. Не зная, что он — огонь. Не зная, что он — тепло. Он будет ходить по земле. Есть. Пить. Спать. Работать. Умирать. И никогда не узнает, кем он был. Никогда не узнает, что мог. Никогда не узнает, что нёс в себе.

Вот о чём эта книга.

О том, что каждый из нас — свеча. Каждый создан по образу и подобию. Каждый несёт в себе этот божественный свет. Но свет не горит сам. Его нужно зажечь. И зажечь его может только другой человек. Другая свеча. Другое тепло. Другая любовь. Другой огонь.

Истина — это свет. Свет — это Бог. Свет — это знание. Свет — это сила. И свет — это ты.

О цепной реакции добра.

Я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Одну простую вещь. Одну важную вещь.

Даже самое маленькое действие может изменить мир.

Не «большое действие». Не «героический поступок». Не «великое свершение». А маленькое. Незаметное. Одна свеча. Поставленная в тёмном храме. Одна улыбка. Одно доброе слово. Одна протянутая рука. Одно прощение. Одна минута внимания. Одно объятие. Одна молитва. Одна слеза. Одно «я с тобой».

Это может изменить мир.

Потому что добро — это цепная реакция. Ты зажигаешь одну свечу — она зажигает другую. Другая — третью. Третья — четвёртую. И вот уже горит тысяча свечей. И вот уже светло. И вот уже тепло. И вот уже мир — другой.

Я видел это. Я видел, как одна старушка с сумкой-тележкой пришла в пустой храм и поставила свечу. Я видел, как это изменило священника. Я видел, как это изменило мир.

Не потому, что свеча была волшебной. Не потому, что старушка была святой. Не потому, что храм был особенным. А потому, что она сделала это. Она не ждала. Она не сомневалась. Она не спрашивала разрешения. Она просто пришла. Просто поставила. Просто зажгла.

И мир изменился.

О свете, который проливается во тьму

Я хочу сказать тебе ещё одну вещь.

Свет побеждает тьму.

Не потому, что свет сильнее. Не потому, что свет могущественнее. Не потому, что свет лучше. А потому, что тьма — это не вещество. Тьма — это не сила. Тьма — это не что-то. Тьма — это отсутствие света.

И единственный способ победить тьму — это зажечь свет. Не бороться. Не воевать. Не сражаться. А зажечь. Просто зажечь. Одну свечу. В тёмной комнате. И тьма — исчезнет. Не потому, что ты её победил. А потому, что она не может существовать рядом со светом.

Вот о чём эта книга. О свете, который проливается во тьму. О свече, которая зажигается в пустом храме.

О том, чтобы идти в ногу со временем.

Мы живём в удивительное время. Время перемен. Время открытий. Время технологий. Время, когда мир меняется быстрее, чем когда-либо в истории человечества. Каждый день появляется что-то новое. Новые знания. Новые открытия. Новые возможности. Новые вызовы.

И я хочу, чтобы ты знал: свет — это не только прошлое. Свет — это не только традиция. Свет — это не только то, что было. Свет — это будущее. Свет — это знание. Свет — это наука. Свет — это технологии. Свет — это то, что мы создаём. Свет — это то, что мы открываем. Свет — это то, что мы изучаем.

Не бойся нового. Не бойся перемен. Не бойся технологий. Не бойся знаний. Не бойся науки. Всё это — свет. Всё это — от Бога. Всё это — от Того, кто создал и небо, и землю, и атом, и звезду, и разум, и мысль.

Учись. Расти. Ищи. Изучай. Читай. Слушай. Смотри. Пробуй. Ошибайся. Вставай. Иди дальше. Не останавливайся. Не застревай в прошлом. Не цепляйся за старое. Не бойся нового.

Но помни: новое — это не замена. Новое — это продолжение. Ты не заменяешь свечу электрической лампочкой. Ты зажигаешь и то, и другое. Ты не заменяешь молитву наукой. Ты соединяешь и то, и другое. Ты не заменяешь веру знанием. Ты обогащаешь и то, и другое.

А теперь — входи. Спасское ждёт. Свеча горит.

С уважением и надеждой, ваш, Дмитрий Архипов.

Роман-притча

ПРОЛОГ

«Никто, зажегши свечу, не ставит её в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет.»

— Евангелие от Луки, 11:33

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.»

— Евангелие от Иоанна, 1:5

«Свеча — это свидетельство веры и причастности человека к Божественному свету. Ты вглядываешься в её пламя — но горит ли оно в тебе самом?»

— «Училище покаяния», XIV век

Храм умер в четверг, ровно в три часа пополудни, когда звонарь Прохор, кряхтя и потирая поясницу, полез на колокольню, чтобы в очередной раз смахнуть голубиный помёт с настила. Он не знал, что Храм умер. Никто не знал. Смерть эта была не мгновенной — она растянулась на десятилетия, как тягучая карамель, забытая на солнце.

Когда-то, лет двести назад, этот Храм был сердцем губернии. Сюда шли пешком за триста вёрст, чтобы приложиться к чудотворной иконе. Здесь венчались царедворцы, отпевали героев войны, крестили будущих поэтов. Стены дышали ладаном так густо, что казалось, будто сам воздух становится золотым. Свечи здесь не переводились никогда — сотни, тысячи огоньков ежедневно, и воск стекал по медным подсвечникам причудливыми сталактитами, которые потом соскабливали и переплавляли в новые свечи.

Но время — самый безжалостный архитектор. Оно строит разрушение медленно, незаметно, как вода точит камень.

К двадцать первому веку Храм стоял на окраине умирающего посёлка, полузабытый, полузаброшенный. Золото куполов потускнело и покрылось патиной, как бронзовая монета на дне колодца. Росписи облупились, обнажив серую штукатурку. Прихожане — три старухи, две вдовы и один контуженный на афганской войне мужик по имени Степан — ютились в левом приделе, потому что в основном нефе гулял сквозняк, а зимой — и настоящий снег.

Отец Михаил, настоятель, служил по воскресеньям и великим праздникам. Он был человеком уставшим, с лицом, похожим на печёное яблоко, и руками, которые помнили не только крест и кадило, но и лопату, и топор. Он сам чинил крышу, сам рубил дрова для печки-«буржуйки», стоявшей в алтаре, сам выметал листья, которые ветер заносил через выбитые окна.

И вот в этот четверг, когда Прохор смахивал голубиный помёт, в храм вошла она.

Маленькая старушка в сером платке, с сумкой-тележкой, в каких возят картошку с рынка. Она приехала на автобусе из райцентра — старом, дребезжащем «ПАЗике», который ходил раз в день. Старушку звали Анна Сергеевна, и она приехала, чтобы поставить свечу.

Она не была местной. Она вообще не знала этого посёлка. Просто ей приснился сон — ясный, как откровение: она стоит в храме, которого никогда не видела, перед иконой, которую никогда не встречала, и держит в руках тонкую восковую свечу. И голос во сне сказал: «Поставь её здесь. И всё изменится».

Она проснулась в слезах. Она не помнила, когда последний раз плакала. Её жизнь была прожита — муж умер, дети разъехались, здоровье превратилось в список лекарств. Она была одинокой свечой, догорающей в пустом доме.

Сон повторился трижды.

И вот она стояла в этом храме — закопчённом, холодном, пропахшем сыростью и голубиным помётом. Она узнала его. Это был он. Тот самый храм.

Анна Сергеевна подошла к иконостасу. Левый придел, икона Николая Чудотворца. Лик почти не читался — одна доска, потемневшая от времени, но глаза святого смотрели прямо на неё. Те самые глаза из сна.

Она достала из сумки свечу. Обычную, жёлтую, тонкую. Купленную не в церковной лавке, а в хозяйственном магазине — потому что в этом храме и лавки-то не было.

Она нашла единственный свободный подсвечник — старый, чугунный, с облупившейся краской. Вокруг него лежал толстый слой пыли. Свеча встала в гнездо легко, как будто ждала этого момента двести лет.

Анна Сергеевна чиркнула спичкой. Огонёк дрогнул, осветив её морщинистое лицо. Она поднесла спичку к фитилю.

И в этот момент Прохор, сидевший на колокольне, почувствовал, как что-то изменилось. Он не мог объяснить. Просто воздух стал другим. Как будто где-то внизу открыли дверь в лето.

Свеча загорелась.

Она горела ровно, без копоти. Маленький язычок пламени, обычный, жёлтый. Но он не дрожал, не трепетал на сквозняке. Он стоял, как маленький солдат, — прямо и уверенно.

Анна Сергеевна перекрестилась, прошептала молитву, которую помнила с детства, и вышла.

Прохор спустился с колокольни. Он вошёл в храм и замер.

Свеча горела.

Он подошёл ближе. Обычная хозяйственная свеча. Такие горят часа четыре, не больше. Но было в ней что-то странное. Пламя не отбрасывало тени.

Прохор поднёс руку — тени не было. Он отступил на шаг. Странно. Он никогда такого не видел.

Он постоял ещё минуту, пожал плечами и пошёл домой.

Вечером пошёл дождь. Обычный осенний дождь, серый и нудный. Прохор сидел у окна, пил чай с малиновым вареньем и смотрел, как капли стекают по стеклу. И вдруг он понял,

что не может отделаться от мысли о той свече. Она стояла у него перед глазами, как заноза в сознании.

— Глупость какая, — сказал он вслух. — Пойду проверю.

Он накинул старую фуфайку и вышел. Храм стоял в темноте, чёрный и молчаливый. Прохор открыл тяжёлую дверь, которая скрипнула, как старая телега.

И замер.

Свеча горела.

Прошло уже шесть часов.

Прохор подошёл ближе. Свеча не уменьшилась ни на миллиметр. Воск не оплывал. Фитиль не сгорал. Пламя было всё таким же ровным, спокойным, как дыхание спящего человека.

Он опустился на колени. Нет, не в молитве. Он попросту не мог стоять.

Так началось первое чудо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОГОНЬ.

Глава вторая. Двенадцать дней.

«Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.»

— Евангелие от Матфея, 5:14-16

«Свеча есть образ пламенной молитвы к Создателю. Воск, как вещество самое чистое, означает нашу чистоту и искренность жертвы. Воск, как вещество мягкое и гибкое, означает наше послушание и готовность каяться. Воск, вещества для которого собираются пчёлами с благоуханных цветов, означает благодать Святого Духа.»

— Святитель Симеон Солунский, XV век

Отец Михаил не спал третью ночь подряд.

Он лежал на продавленном диване в своей келье — комнатке три на четыре метра, с обоями цвета старческого зуба и иконой Спасителя в красном углу. Икона была единственной вещью в доме, которую он действительно любил. Она досталась ему от отца, тоже священника,

а тому — от его отца. Триста лет одна и та же доска, один и тот же лик, одни и те же глаза, которые смотрят на тебя независимо от того, куда ты повернулся.

Глаза смотрели и сейчас.

— Ну что? — спросил отец Михаил, обращаясь к иконе. — Дождались?

Икона молчала. Отец Михаил давно привык к этому молчанию — сорок лет служения научили его, что молчание Бога не означает Его отсутствия. Бог молчит, потому что Ему не нужно оправдываться. Это люди всё время что-то объясняют.

Отец Михаил встал. Накинул подрясник поверх майки, влез в сапоги. На часах было четыре утра. За окном стояла та особенная предрассветная тьма, когда кажется, что мир вообще никогда не был светлым и никогда не будет.

Он вышел на крыльцо. Свежий воздух ударил в лицо, пахло прелыми листьями и дымом — кто-то в деревне топил печь.

И тут он увидел храм.

Он светился.

Не то чтобы ярко — нет, свет был слабый, мерцающий, как от лампы. Но он шёл не из окон. Он шёл из стен. Точнее — сквозь стены. Как будто храм изнутри наливался теплом, и это тепло сочилось наружу через кирпичную кладку, через побелку, через паутину и голубиный помёт.

Отец Михаил перекрестился. Потом ещё раз.

Он не пошёл в храм. Он вернулся в дом, сел на табурет и просидел так до рассвета.

Утром пришли люди.

К полудню у храма стояло человек двести. Приехали на «Газелях», на «Нивах», на раздолбоном «Москвиче» с прицепом, на велосипедах, просто пешком из соседних деревень. Слух распространился со скоростью, которую в этом богом забытом углу никто не ожидал. Телефоны работали плохо, интернет ловил только у сельсовета, но информация находила пути, о которых не знает даже наука.

Отец Михаил вышел к народу.

Он стоял на паперти — маленький, сгорбленный, с лицом, похожим на печёное яблоко. На нём была старенькая ряса, выцветшая до цвета пыли. Он поднял руку — и толпа затихла.

— Православные, — сказал он. Голос у него был тихий, но слышно было всем. — Я не знаю, что здесь происходит. И никто не знает. Поэтому я прошу вас: не делайте поспешных

выводов. Не говорите: «это чудо». Не говорите: «это бесовщина». Просто войдите, если хотите. Пойдите. Помолитесь. И идите домой.

Толпа зашевелилась.

Первой вошла женщина с больным мальчиком. Она была здесь ещё вчера — приехала на такси из областного центра, отдала за дорогу половину пенсии. Мальчик, семилетний Никита, сидел в коляске, глядя на мир с той особенной отстранённостью, которая появляется у детей, привыкших к тому, что их тело — не их союзник.

Она вкатила коляску в храм.

Свеча горела.

Пламя было маленькое — обычное пламя обычной свечи. Жёлтое, ровное, спокойное. Она стояло на чугунном подсвечнике, почерневшем от времени, и в нём не было ничего чудесного.

Кроме того, что оно не гасло. Не уменьшалось. Не оплывало.

Женщина опустила на колени. Никита смотрел на огонь.

— Господи, — прошептала женщина. — Если Ты есть... если Ты меня слышишь...

Она не договорила. Слёзы потекли по её лицу, и она замолчала.

Никита поднял руку.

Это было медленное движение — как будто он поднимал не руку, а целый мир. Пальцы разжались, потянулись к огню.

Женщина ахнула. Никита никогда не тянулся ни к чему сам.

Он дотронулся до пламени.

Пламя не обожгло. Оно лизнуло его пальцы, как ласковый зверёк.

И Никита засмеялся.

Это был первый звук, который он издал за три года — с тех пор, как упал с качелей и повредил позвоночник. Женщина зажала рот руками. Она смотрела на сына, который держал в руке живой огонь и смеялся.

Отец Михаил стоял в дверях. Он видел всё. И он чувствовал, как что-то в груди сжимается и разжимается — как будто там, внутри, тоже зажглась свеча.

К вечеру храм был полон.

Люди стояли плечом к плечу, не расходясь. Кто-то принёс еду, кто-то — воду. На улице разожгли костёр. Дети бегали вокруг, не понимая, что происходит, но чувствуя, что происходит что-то.

Отец Михаил сидел в алтаре на колченогом стуле и смотрел на свечу через открытые царские врата.

Она горела уже тридцать шесть часов.

За это время он провёл три молебна, два раза исповедал — не потому, что люди просили, а потому, что они вдруг начали вспоминать грехи, о которых молчали десятилетиями. Женщина, укравшая у матери кольцо. Мужик, бросивший первую жену. Старуха, которая сорок лет назад отказала в помощи соседке, и та умерла.

Люди подходили и говорили. Шёпотом, глядя в пол, теребя платки и шапки. И отец Михаил слушал. Он не читал молитвы, не накрывал голову епитрахилью — у него просто не было сил. Он просто слушал.

К полуночи храм опустел.

Остались только отец Михаил, Прохор и свеча.

— Батюшка, — сказал Прохор. — Что это?

Отец Михаил молчал.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я знаю только, что это не обычная свеча.

— А какая?

— Святая, — сказал отец Михаил и сам удивился этому слову.

Прохор перекрестился.

— А что делать-то?

Отец Михаил встал. Подошёл к подсвечнику. Пламя было на уровне его глаз — маленькое, тёплое, живое.

— Ничего, — сказал он. — Пусть горит.

На третий день приехал корреспондент.

Молодой, лет двадцати пяти, в модной куртке и ботинках, которые не подходили для грязной деревенской дороги. Его звали Артём, и он работал в областной газете, которая выходила раз в неделю и которую никто не читал.

Он приехал по наводке — кто-то из местных позвонил в редакцию и сказал, что «в храме свеча чудесная, народ валит».

Артём был скептиком. Он не верил ни в Бога, ни в чёрта, ни в чудеса. Он верил в хороший текст и в редакционное задание. Ему нужен был материал — желательно сенсационный, желательно с фотографиями.

Он вошёл в храм.

Свеча горела.

Артём подошёл ближе. Достал телефон, начал снимать. Пламя было обычное — он видел такие сотни раз в церквях, куда ходил только ради красивых кадров.

Он поднёс руку к огню.

Ничего. Тепло. Как от зажигалки.

Он зажал фитиль пальцами.

Ожога не было. Пламя исчезло на секунду — и появилось снова.

Артём отдёрнул руку. Посмотрел на пальцы. Ни покраснения, ни боли.

— Что за... — прошептал он.

Он попробовал ещё раз. Дул. Зажимал. Даже плеснул водой из бутылки.

Свеча горела.

Артём сел на пол. Прямо там, в пыли и голубином помёте. И просидел так полчаса, глядя на огонь.

Потом встал, отряхнулся, достал блокнот и начал писать.

На пятый день приехали первые «исцелённые».

Женщина из Твери, у которой двадцать лет болела спина. Мужчина из Рязани, у которого не сгибалась рука после аварии. Девочка из Иванова, у которой были приступы эпилепсии.

Они входили в храм. Стояли перед свечой. Молились.

И — выходили.

Некоторые говорили, что стало легче. Некоторые — что ничего не изменилось. Некоторые — что им стало хуже, потому что они впервые за долгое время почувствовали что-то, и это «что-то» было не только свет, но и боль.

Отец Михаил никого не исцелял. Он просто стоял рядом и слушал.

На седьмой день он понял, что храм изменился.

Не стены — они остались такими же облупленными и сырыми. Не иконы — они остались такими же тёмными. Изменилось пространство. Воздух стал плотнее, что ли. Или теплее. Или — он не знал, как это назвать — живее.

Люди входили в храм и замолкали. Даже дети. Даже те, кто никогда не был в церкви и не знал ни одной молитвы. Они входили — и замолкали. Как будто на пороге оставалась вся их суета, все их проблемы, все их маленькие и большие грехи.

Отец Михаил вспомнил слова преподобного Серафима: «Церковная свеча — священное достояние православия. Она символ нашего духовного союза со святой Матерью-Церковью».

Он всегда считал это красивой метафорой. Теперь он не был уверен, что это метафора.

На двенадцатый день приехал архиерей.

Владыка Игнатий был человеком крупным — в прямом и переносном смысле. Высокий, грузный, с голосом, от которого дрожали стёкла. Он управлял епархией двадцать лет и за это время привык, что его слово — закон.

Он вышел из чёрного «Мерседеса», оглядел толпу, оглядел храм, оглядел отца Михаила.

— Ну, — сказал он. — Показывай.

Они вошли. Свеча горела.

Владыка подошёл. Посмотрел. Потрогал — осторожно, как хирург. Подул.

Пламя не шелохнулось.

Владыка отступил на шаг. Перекрестился. Потом повернулся к отцу Михаилу.

— Это что?

— Свеча.

— Я вижу, что свеча. — Владыка говорил тихо, но в его голосе была такая сила, что отец Михаил почувствовал, как у него подгибаются колени. — Это что такое?

Отец Михаил молчал.

— Откуда она?

— Женщина принесла. Из райцентра. Анна Сергеевна.

— Кто такая?

— Никто. Обычная старушка. Ей сон приснился.

Владыка посмотрел на него так, как смотрят на сумасшедшего.

— Сон.

— Да.

— И ты поверил.

— Я ни во что не верил. Я просто ничего не делал.

Владыка отвернулся. Он смотрел на свечу долго — минуту, две, три. Отец Михаил видел, как его плечи напряглись, как пальцы сжались в кулаки.

— Ты понимаешь, что это может быть? — сказал он наконец.

— Нет.

— Никто не понимает. — Владыка повернулся. Лицо у него было серое. — А если это прелесть? А если это бесовское? А если это просто... — он поискал слово, — химия?

— Химия так не работает, — сказал отец Михаил.

— Откуда ты знаешь?

— Я сорок лет служу. Я видел всякое. Но такого — нет.

Владыка долго молчал.

— Я доложу Синоду, — сказал он наконец. — А ты пока... — Он махнул рукой. — Продолжай. Ничего не меняй. Никого не впускай в алтарь. Ничего не объясняй. Просто... пусть горит.

Он уехал.

Отец Михаил остался стоять перед свечой.

Ночью он снова не спал.

Он сидел в келье, пил чай, смотрел в окно на светящийся храм и думал.

Он думал о том, что свеча — это воск. А воск — это символ. Симеон Солунский писал: «Воск, как вещество самое чистое, означает нашу чистоту и искренность жертвы. Воск, как вещество, на котором можно отпечатлеть предметы, означает печать или знамение креста. Воск, как вещество мягкое и гибкое, означает наше послушание и готовность каяться. Воск, вещества для которого собираются пчёлами с благоуханных цветов, означает благодать Святого Духа».

Он думал: а что, если это не метафора? Что если свеча — это действительно не свеча, а знак? Знак того, что где-то — в этом грязном, умирающем, забытом Богом и людьми мире — что-то ещё живо? Что-то, что не поддаётся объяснению, не поддаётся контролю, не поддаётся логике?

Он думал о Никите. О мальчике, который засмеялся, впервые за три года.

Он думал о женщине, которая плакала, стоя на коленях.

Он думал о владыке, у которого было серое лицо.

Он думал: а что, если свеча — это не чудо? Что если это вопрос? Вопрос, который Бог задаёт людям. И ответ на этот вопрос зависит не от Бога, а от людей.

Он поставил чашку. Встал. Подошёл к иконе.

— Я не знаю, что делать, — сказал он. — Я не знаю, что это. Я не знаю, зачем Ты это послал. Но я знаю одно: я не могу это контролировать. И никто не может. И, наверное, в этом весь смысл.

Икона молчала.

Отец Михаил вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Пусть горит.

Он лёг на диван. Закрыв глаза.

И впервые за двенадцать дней уснул.

А свеча горела.

Она горела, когда взошло солнце. Горела, когда пошёл дождь. Горела, когда приехали новые люди — из Москвы, из Питера, из Киева, из Минска. Горела, когда в интернете появились первые видео, первые статьи, первые споры.

Она горела.

И в её свете — маленьком, тёплом, живом — что-то менялось. Не в храме. Не в людях.

Что-то менялось в самом воздухе.

Что-то, чему ещё не было названия.

Что-то, что начиналось с одной свечи.

«Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и всё тело твоё будет светло; а если оно будет худо, то и тело твоё будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?»

— Евангелие от Луки, 11:34-35

«Дух человека — светильник Господень, испытующий все глубины сердца.»

— Книга Притчей Соломоновых, 20:27

Конец первой и второй главы.

Глава третья. Воск и проволока.

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше.»

— Евангелие от Матфея, 6:19-21

«И вошёл Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано — дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников.»

— Евангелие от Матфея, 21:12-13

«Свеча — это не товар. Свеча — это молитва, ставшая воском. Тот, кто торгует молитвой, торгует воздухом.»

— Святитель Феофан Затворник, XIX век

На сороковой день в посёлке открылся рынок.

Не тот рынок, что был раньше — три бабки с укропом и мужик с мёдом, — а настоящий. С палатками, с прилавками, с ценниками на картонках, с тентами от дождя. Вдоль дороги от автобусной остановки до храма выстроились двадцать точек. Здесь продавали всё.

Свечи. Воск. Масло. Воду. Землю. Камни. Иконки. Крестики. Магниты с изображением храма. Футболки с надписью «Я БЫЛ У ЧУДОТВОРНОЙ СВЕЧИ». Кружки с той же надписью. Ручки. Блокноты. Пакеты. Пряники. Пирожки. Чай. Кофе. Шашлык.

И — фотографии.

Мужик в кожаной куртке, с золотой цепью на шее и улыбкой, которая не доходила до глаз, торговал фотографиями свечи. Просто фотографиями. Распечатанными на принтере, заламинированными. Пятьсот рублей за штуку. «Заряженные, — говорил он. — Настоящие. Снято в храме. Лично».

Отец Михаил вышел на крыльцо. Посмотрел на это всё. Постоял. Потом вернулся в храм.

— Батюшка, — сказал Прохор. — Может, прогнать их?

— Нельзя, — сказал отец Михаил.

— Почему?

— Потому что тогда они скажут, что мы — против. Что мы — закрылись. Что мы — прячем чудо. Он сел на стул. Посмотрел на свечу.

— Пусть торгуют, — сказал он. — Пока совесть есть.

— А если нет?

— Тогда — не наша проблема.

Он сказал это, но сам не поверил.

На сорок второй день приехал «бизнесмен».

Его звали Олег Петрович. Он был из тех людей, которые всегда знают, где деньги. Он приехал на «Ленд Крузере», в костюме, с портфелем. Вошёл в храм. Постоял. Посмотрел на свечу. Потом подошёл к отцу Михаилу.

— Батюшка, — сказал он. — Разговор есть.

Они вышли на улицу.

— Я хочу построить здесь центр, — сказал Олег Петрович.

— Какой центр?

— Духовный. Паломнический. Гостиницу. Трапезную. Парковку. Всё цивилизно. Чтобы люди могли приехать, переночевать, поесть, помолиться. По-человечески.

Отец Михаил молчал.

— Я не прошу у вас денег, — продолжил Олег Петрович. — Я сам вложу. Я даже храм отремонтирую. Купола позолочу. Росписи восстановлю. Всё будет как в лучших домах.

— А что вы хотите взамен?

Олег Петрович улыбнулся.

— Ничего. Просто чтобы всё было по-людски. Чтобы люди не под открытым небом стояли. Чтобы был порядок.

— Порядок, — повторил отец Михаил.

— Да. Порядок.

Отец Михаил посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— А вы знаете, что такое порядок в храме?

— Ну?

— Порядок в храме — это когда свеча горит не потому, что за неё заплатили, а потому, что её зажгли. Порядок в храме — это когда люди приходят не за сувенирами, а за Богом. Порядок в храме — это когда вы уходите, и никто вас не замечает.

Олег Петрович перестал улыбаться.

— Вы меня не поняли.

— Я вас понял, — сказал отец Михаил. — Именно поэтому — нет.

Он повернулся и пошёл в храм.

Олег Петрович стоял на улице. Потом сел в «Ленд Крузер» и уехал.

Через неделю в посёлок приехали юристы. Они ходили по домам. Они предлагали деньги. Они говорили о «развитии территории». Они обещали «золотые горы».

Никто не согласился.

Кроме одного человека.

Степан продал свой дом.

Тот самый Степан, контуженный афганец, который двадцать лет чинил крышу и не мог дочинить. Он продал дом за деньги, которых никогда в жизни не видел. И уехал.

Куда — никто не знал.

Отец Михаил узнал об этом на следующий день. Он пришёл к дому Степана. Дом стоял пустой. Дверь была открыта. Внутри — ничего. Только на столе лежала записка.

«Батюшка. Прости. Я не выдержал. Слишком много людей. Слишком много шума. Я не могу молиться, когда вокруг торгуют. Уеду куда-нибудь. Где тихо. Степан».

Отец Михаил прочитал записку. Сложил. Убрал в карман.

Потом сел на крыльцо пустого дома. И просидел так час.

А рынок рос.

На пятидесятый день появился первый «целитель». Мужик с бородой, в белом халате, с чемоданчиком. Он встал у входа в храм и начал «лечить». Наложением рук. Криками. Плясками. Люди шли. Люди платили. Люди верили.

Отец Михаил вышел.

— Уходи, — сказал он.

— Я — от Бога! — закричал целитель.

— От Бога — не кричат, — сказал отец Михаил. — От Бога — молчат. Или говорят тихо. А ты — кричишь. Значит, не от Бога.

Целитель открыл рот. Закрыл. Потом сказал:

— Я буду жаловаться.

— Жалуйся, — сказал отец Михаил. — Только не здесь.

Целитель ушёл.

А через день пришла проверка.

Санитарная инспекция. Пожарная. Налоговая. Ещё какие-то люди в костюмах, которые не представились.

Они ходили по храму. Смотрели. Записывали. Фотографировали.

— У вас нет лицензии на торговлю, — сказали они отцу Михаилу.

— У нас нет торговли.

— А палатки?

— Это не наши палатки.

— А кто их поставил?

— Люди.

— Какие люди?

— Люди, которые хотят есть.

Инспектор посмотрел на него. Потом сказал:

— Мы составим протокол.

— Составляйте.

— Вам грозит штраф.

— Какой?

— Большой.

— Ну, — сказал отец Михаил. — Тогда я буду платить. Из своей пенсии.

Инспектор моргнул.

— Из пенсии?

— Да. Я получаю двадцать тысяч. Хватит на первый взнос.

Инспектор посмотрел на него долго. Потом закрыл папку.

— Мы ещё вернёмся, — сказал он.

Они уехали.

Отец Михаил вернулся в храм. Сел на стул. Посмотрел на свечу.

Она горела.

— Ну что, — сказал он. — Дожили. Теперь у нас — проверки. Дальше будет прокуратура. Потом — суд. Потом — тюрьма. А свеча — горит. И никому до неё нет дела.

Он засмеялся. Тихо, безрадостно.

— Ладно, — сказал он. — Пусть горит. Пока горит. А я — пойду спать.

Он встал. Пошёл к выходу. Обернулся.

Свеча горела.

На шестидесятый день пришёл первый «отказник».

Мужчина лет пятидесяти, в дорогом пальто, с усталым лицом. Он вошёл в храм. Долго стоял перед свечой. Потом подошёл к отцу Михаилу.

— Я не верю, — сказал он.

— Во что?

— Ни во что. Я не верю в Бога. Я не верю в чудеса. Я не верю в эту свечу. Я приехал, потому что у меня рак. И я хотел проверить. И я проверил: ничего не произошло.

Отец Михаил молчал.

— И знаете, что я чувствую? — продолжил мужчина. — Облегчение.

— Почему?

— Потому что, если бы произошло чудо, мне пришлось бы поверить. А я не хочу верить. Я хочу знать. А знать — нельзя. Можно только верить. А я не умею.

Отец Михаил кивнул.

— Я вас понимаю, — сказал он.

— Правда?

— Да. Я тоже не умею верить. Я умею только служить. Это — другое.

Мужчина посмотрел на него.

— И что мне делать?

— Не знаю, — сказал отец Михаил. — Но я знаю одно: вы приехали. Вы стояли. Вы смотрели. Это — уже что-то. Может быть, этого достаточно.

Мужчина ушёл. Через полгода он прислал письмо. Одно предложение: «Я всё ещё не верю. Но я всё ещё живу. Спасибо».

Отец Михаил прочитал. Убрал в ящик. К другим письмам.

А вечером пришла беда.

Молодая женщина, лет тридцати, приехала с ребёнком. Мальчику было года три. Он был болен — сильно, смертельно. Женщина приехала за чудом. Она стояла перед свечой. Молилась. Плакала.

Потом вышла.

И сказала мужу:

— Ничего.

Муж молчал.

— Ничего, — повторила она. — Опять ничего.

Она села на траву. И закричала. Долго, страшно, так, что люди оборачивались.

Отец Михаил подошёл. Сел рядом. Не сказал ни слова.

— Почему? — спросила она. — Почему всем — да, а мне — нет?

Отец Михаил молчал.

— Я не могу, — сказала она. — Я больше не могу.

Она встала. Взяла ребёнка. Пошла к машине.

Через неделю она покончила с собой.

Отец Михаил узнал об этом из новостей. Он сидел в келье. Смотрел на икону. Молчал.

Потом встал. Пошёл в храм.

Свеча горела.

— Зачем? — спросил он. — Зачем Ты это делаешь? Зачем даёшь людям надежду — и отнимаешь? Зачем показываешь свет — и не даёшь тепла?

Икона молчала.

— Я не понимаю, — сказал отец Михаил. — Я не понимаю Тебя. Я не понимаю этот мир. Я не понимаю, почему одни исцеляются, а другие — умирают. Я не понимаю, почему свеча горит, а люди — гаснут.

Он опустился на колени.

— Я не понимаю, — прошептал он. — Но я верю. Помоги моему неверию.

Свеча горела.

Ночью отец Михаил написал письмо в епархию.

«Владыка. Прошу вашего совета. Свеча горит шестьдесят дней. Люди идут. Люди верят. Люди умирают. Я не знаю, что делать. Я не могу больше один. Пришлите кого-нибудь. Или скажите, что делать. Или заберите меня. Я устал. Простите. Иерей Михаил».

Он отправил письмо.

Через три дня пришёл ответ.

«Отец Михаил. Терпи. Это — испытание. Если свеча от Бога — она будет гореть. Если от лукавого — она погаснет. А ты — служи. И не бери на себя больше, чем можешь. Владыка Игнатий».

Отец Михаил прочитал. Сложил. Убрал в ящик.

Потом пошёл служить.

А на рынке — там, где продавали свечи, воск и «заряженные» фотографии, — появился новый товар.

Проволока.

Мужик в кожаной куртке, тот самый, что торговал фотографиями, сидел на ящике и продавал проволоку. Просто проволоку. Медную, тонкую, нарезанную кусками по десять сантиметров.

— Что это? — спросил Артём, который приехал в очередной раз.

— Проволока, — сказал мужик.

— Зачем?

— А ты не понимаешь? — мужик ухмыльнулся. — Свеча не гаснет. Значит, там — вечный огонь. А вечный огонь — это энергия. А энергию можно передать. Вот я и передаю. Проволоку прикладываешь к свече — она заряжается. Потом носишь с собой. Помогает.

— От чего?

— От всего.

Артём посмотрел на него. Потом на проволоку. Потом на свечу в окне храма.

— А вы не боитесь? — спросил он.

— Чего?

— Что это — кошунство.

Мужик засмеялся.

— Кошунство — это когда бесплатно. А я — по-честному. Пятьсот рублей за штуку. И люди берут. Потому что верят. А вера — это товар. Самый дорогой товар в мире.

Артём ничего не сказал. Он достал блокнот. Записал: «Проволока».

Потом зачеркнул.

Написал: «Конец».

Вечером отец Михаил вышел на крыльцо. Посмотрел на рынок. На палатки. На мужика с проволокой. На людей, которые шли и несли — свечи, воск, воду, землю, проволоку, надежду.

Он стоял долго. Потом сказал:

— Господи. Прости их. Они не знают, что делают.

Повернулся. Пошёл в храм.

Свеча горела.

«И сказал им: написано — дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников.»

— Евангелие от Матфея, 21:13

«Не продавайте благодать. Она — не ваша. Она — Божья. А Божье — не продаётся.»

— Преподобный Паисий Святогорец, XX век

«Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям.»

— Первое послание к Тимофею, 6:10

Конец третьей главы.

Глава четвёртая. Сон Анны Сергеевны

«И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.»

— Деяния Апостолов, 2:17

«Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе. Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Своё наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость.»

— Книга Иова, 33:14-17

«Сны — это язык, на котором Бог говорит с теми, кто научился слышать наяву.»

— Преподобный Никодим Святогорец, XVIII век

Анна Сергеевна жила в райцентре, в двухэтажном доме на улице Ленина, в квартире с обоями в цветочек и телевизором, который она включала только для того, чтобы не было тихо.

Ей было восемьдесят три года.

Муж умер двадцать лет назад. Дети разъехались — сын в Москву, дочь в Германию. Внуки приезжали раз в год, на Пасху, и уезжали через три дня, оставив после себя коробку конфет и запах чужих духов.

Анна Сергеевна не жаловалась. Она вообще не умела жаловаться. Она умела только ждать. Ждать автобуса. Ждать звонка. Ждать весны. Ждать смерти.

А потом ей приснился сон.

В первую ночь она увидела храм.

Она стояла в середине — не в притворе, не у входа, а именно в середине. Вокруг было темно, но не страшно. Темнота была мягкая, как одеяло. И в этой темноте горела одна свеча.

Маленькая. Жёлтая. Обычная.

Она стояла на подсвечнике — старом, чугунном, с облупившейся краской. И свет от неё шёл не вверх, как обычно, а в стороны. Во все стороны сразу. Как будто свеча была не свечой, а солнцем — маленьким, но настоящим.

Анна Сергеевна подошла ближе. И увидела икону. Николая Чудотворца. Лик был тёмный, почти неразличимый, но глаза смотрели прямо на неё. Она узнала эти глаза. Она видела их всю жизнь — в детстве, в юности, в старости. Это были глаза её матери, когда та молилась. Это были глаза её мужа, когда он умирал. Это были глаза всех, кого она любила и потеряла.

И голос сказал:

— Поставь её здесь. И всё изменится.

Она проснулась в слезах.

За окном было темно. Часы показывали четыре утра. Анна Сергеевна лежала и смотрела в потолок. Слезы текли по щекам, и она не вытирала их. Она не помнила, когда последний раз плакала. Может быть, на похоронах мужа. Может быть, никогда.

Она встала. Пошла на кухню. Налила чай. Села у окна.

— Глупость, — сказала она вслух. — Старческий маразм.

Она допила чай. Легла. Закрыла глаза.

И снова увидела свечу.

Во второй раз сон был другой.

Она стояла не в храме, а на дороге. Дорога была длинная, прямая, и вела в даль. По обе стороны — поле. Поле было серое, мёртвое, как будто выжженное. И в этом поле стоял храм.

Он был далеко — так далеко, что она едва различала купола. Но она знала, что это он. Тот самый. И она знала, что должна дойти.

Она пошла.

Дорога была длинной. Ноги болели. Она хотела остановиться, сесть, отдохнуть. Но что-то внутри неё говорило: «Иди. Не останавливайся. Иди».

Она шла. Долго. Может быть, час. Может быть, год. Время во сне не имело значения.

И когда она дошла — храм был закрыт.

Двери заперты. Окна заколочены. На паперти сидел старик в рваной рясе и смотрел на неё.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Я пришла поставить свечу, — сказала Анна Сергеевна.

— Здесь нет свечей, — сказал старик. — Здесь вообще ничего нет. Уходи.

— Но мне сказали...

— Кто сказал?

— Голос.

Старик посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Голос — это не доказательство. Голос — это искушение. Уходи.

Она проснулась.

На этот раз она не плакала. Она лежала и думала: а что, если это действительно искушение? Что если старик прав? Что если она — просто старая женщина, которой хочется верить, что её жизнь ещё имеет смысл?

Она встала. Пошла в церковь — ту, что была рядом с домом, обычную, приходскую. Постояла. Поставила свечу. Помолилась.

Ничего не произошло.

Она вернулась домой. Легла. Закрыла глаза.

И снова увидела свечу.

В третий раз сон был короткий.

Она стояла в том же храме. Перед той же иконой. Держала в руках ту же свечу. И голос сказал:

— Ты не спрашивай. Ты делай.

— Но я не знаю, где это, — сказала Анна Сергеевна.

— Знаешь.

— Не знаю.

— Знаешь.

Она проснулась.

На этот раз она не стала спорить. Она встала, оделась, достала с антресолей старую сумку-тележку. Положила туда свечу — обычную, жёлтую, купленную в хозяйственном магазине. И пошла на автовокзал.

Она не знала, куда ехать. Она просто стояла перед расписанием и смотрела на названия. «Красный Яр». «Большие Ключи». «Заречье». «Малиновка».

И вдруг — «Спасское».

Она вздрогнула.

Спасское. Она слышала это название. Давно. Очень давно. Может быть, в детстве. Может быть, от матери. Может быть, во сне.

Она подошла к кассе.

— Один билет до Спасского.

— Автобус в два часа, — сказала кассирша. — Обратно — завтра утром.

— Хорошо.

Она села на скамейку. Поставила сумку рядом. Посмотрела на часы.

До автобуса оставалось два часа.

Автобус был старый. «ПАЗик», дребезжащий, с сиденьями, которые помнили ещё советскую власть. Анна Сергеевна сидела у окна. Смотрела на поля, на деревни, на людей, которые входили и выходили.

Она не знала, что делает. Она вообще не понимала, зачем она едет. Ей было восемьдесят три года. У неё болели ноги. У неё было давление. У неё был сын в Москве, который звонил раз в месяц, и дочь в Германии, которая звонила раз в год.

И всё же она ехала.

Автобус остановился у поворота.

— Спасское, — сказал водитель. — Конечная.

Она вышла.

Перед ней была дорога. Длинная, прямая, ведущая в даль. По обе стороны — поле. Поле было серое, мёртвое, как во сне.

Она пошла.

Дорога была длинной. Ноги болели. Она хотела остановиться, сесть, отдохнуть. Но что-то внутри неё говорило: «Иди. Не останавливайся. Иди».

Она шла. Долго. Час. Может быть, два.

И когда она дошла — храм был открыт.

Она вошла.

Внутри было темно. Пахло сыростью и голубиным помётом. Где-то капала вода. В левом приделе горела лампада — единственный источник света.

Анна Сергеевна подошла к иконостасу. Левый придел. Икона Николая Чудотворца. Лик почти не читался. Но глаза — она узнала глаза.

Те самые.

Она достала свечу. Поставила её на подсвечник — старый, чугунный, с облупившейся краской. Вокруг лежал толстый слой пыли.

Она чиркнула спичкой.

Огонёк дрогнул. Она поднесла спичку к фитилю.

Свеча загорелась.

И в этот момент Анна Сергеевна почувствовала, что что-то изменилось. Не вокруг — внутри. Как будто в груди открылась дверь, которая была заперта всю жизнь. И через эту дверь хлынул свет — тёплый, живой, прощающий.

Она перекрестилась. Прошептала молитву, которую помнила с детства. И вышла.

Она не знала, что будет дальше.

Она просто шла обратно — по той же дороге, через то же поле, к тому же автобусу. И чувствовала, что впервые за двадцать лет она сделала что-то не потому, что надо, а потому, что — позвали.

Через месяц, когда о свече уже писали в газетах, Анна Сергеевна сидела дома и смотрела телевизор.

Показывали храм. Показывали толпу. Показывали отца Михаила — уставшего, скорбленного, с лицом, похожим на печёное яблоко.

— Это вы? — спросила соседка, зашедшая за солью.

— Что я?

— Ну, эта свеча. Говорят, какая-то старушка привезла.

Анна Сергеевна посмотрела на экран.

— Не знаю, — сказала она. — Может, и я.

— А вы что, не помните?

— Помню, — сказала Анна Сергеевна. — Помню.

Соседка ушла. Анна Сергеевна выключила телевизор. Села у окна.

За окном шёл снег. Первый снег в этом году. Белый, чистый, как будто мир заново родился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.